

Наринэ Абгарян

МАНЮНЯ

Иллюстрации Елены Жуковской

Номинация на премию «Большая книга»

Премия «Рукопись года»

Наринэ Абгарян
Манюня

«Издательство АСТ»
2010

Абгарян Н. Ю.

Манюня / Н. Ю. Абгарян — «Издательство АСТ», 2010

ISBN 978-5-17-087068-4

«Манюня» – книга о детстве. Смешном, прекрасном и полном всякоразных приключений. Если вы любите смеяться, эта книга для вас. И, конечно же, для ваших родителей, которые выросли, но в душе всё равно остались детьми. Переиздание дебютной повести Наринэ Абгарян с цветными иллюстрациями Елены Жуковской. В издание вошли несколько глав повести. В формате pdf A4 сохранен издательский дизайн.

ISBN 978-5-17-087068-4

© Абгарян Н. Ю., 2010

© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Манюня знакомит меня с Ба, или Как трудно у Розы Иосифовны пройти фейсконтроль	6
Манюня, или Тумбаны бабы Розы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Абгарян Наринэ Манюня

© Наринэ Абгарян, текст, 2015
© Елена Жуковская, иллюстрации, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Манюня знакомит меня с Ба, или Как трудно у Розы Иосифовны пройти фейсконтроль

По ходу повествования у вас может сложиться впечатление, что Ба была вздорной, упретой и деспотичной особой. Это совсем не так. Или не совсем так. Ба была очень любящим, добрым, отзывчивым и преданным человеком. Если Ба не выводить из себя – она вообще казалась ангелом во плоти. Другое дело, что вызвериться Ба могла по любому, даже самому незначительному, поводу. И в этот нелегкий для мироздания час операция «Буря в пустыне» могла показаться детским лепетом по сравнению с тем, что умела устроить Ба! Легче было намести в совок и выкинуть за амбар последствия смерча, чем пережить шторм Бабырозиного разрушительного гнева.

Я счастливый человек, друзья мои. Я несколько раз сталкивалась лицом к лицу с этим стихийным бедствием и таки выстояла. Дети живучи, как тараканы.

Нам с Маней было по восемь лет, когда мы познакомились. К тому времени мы обе учились в музыкальной школе, Маня – по классу скрипки, я – фортепиано. Какое-то время мы встречались на общих занятиях, перекидывались дежурными фразами, но потом случилось памятное выступление хора, после которого наша дружба перешла в иную, если позвольте такое выражение – остервенелую плоскость. Мы пересели за одну парту, вместе уходили из музыкальной школы, благо домой нам было по пути. Если у Мани в этот день случалось занятие по скрипке, то мы по очереди несли футляр – он был совсем не тяжелый, но для нас, маленьких девочек, достаточно громоздкий.

Недели через две нашей тесной дружбы я пригласила Маню домой – знакомиться с моей семьей.

Маня замялась.

– Понимаешь, – потупилась она виновато, – у меня Ба.

– Кто? – переспросила я.

– Ну Ба, баба Роза.

– И что? – Мне было непонятно, к чему Маня клонит. – У меня тоже бабушки – Тата и Настя.

– Так у тебя бабушки, а у меня Ба, – Маня посмотрела на меня с укоризной. – У Ба не забалуешь! Она не разрешает мне по незнакомым людям ходить.

– Да какая же я тебе незнакомая? – развела я руками. – Мы уже целую вечность дружим, аж, – я посчитала в уме, – восемнадцать дней!

Манька поправила съехавшую с плеча бретель школьного фартука, разгладила торчащий волан ладошкой. Попинала коленом футляр скрипки.

– Давай так, – предложила она, – я спрошу разрешения у Ба, а на следующем занятии расскажу тебе, что она сказала.

– Ты можешь мне на домашний телефон позвонить. Дать номер?

– Понимаешь, – Маня смотрела на меня виновато, – Ба не разрешает мне называть незнакомым людям, вот когда мы с тобой ОФИЦИАЛЬНО познакомимся, тогда я буду тебе называть!

Я не стала по новой напоминать Мане, что мы уже вроде как знакомы. Значит, подумала я, так надо. Слово взрослого было для нас законом, и, если Ба не разрешала Мане называть другим людям, значит, в этом был какой-то тайный, недоступный моему пониманию, но беспрекословный смысл.

На следующем занятии по сольфеджио Манюня протянула мне сложенный вчетверо альбомный лист. Я осторожно развернула его.

«Прелестное письмо» моей подруги начиналось с таинственной надписи:

«Наринэ, я тебя приглашаю в субботу сего 1979 г. в три часа дня. Если можешь, возьми собой альбом с семейными фотографиями».

Мое имя было густо обведено красным фломастером. Внизу цветными карандашами Манька нарисовала маленький домик: из трубы на крыше, само собой, валил густой дым; в одиноком окошке топорщилась лучиками желтая лампочка Ильича; длинная дорожка, петляя замысловатой змейкой, упиралась прямо в порог. В почему-то зеленом небе из-за кучевого облака выглядывало солнце. Справа, в самом углу, сиял пучеглазый месяц со звездой на хвосте. Надпись внизу гласила: «Синний корандаш потеряла, поэтам небо зеленое, но это ничево. Конец».

Я прослезилась.

* * *

Собирала меня мама в гости как на Судный день. С утра она собственноручно выкупала меня так, что вместе с кожей сошла часть скучной мышечной массы. Потом она тую заплела мне косички, да так туго, что не только моргнуть, но и вздохнуть я не могла. Моя бабуля в таких случаях говорила: ни согнуться, ни разогнуться, ни дыхнуть, ни пернуть. Вот прибли-

зительно так я себя и чувствовала, но моя неземная красота требовала жертв, поэтому я стоически выдержала все процедуры. Затем мне дали надеть новое летнее платье – нежно-кремовое, с рукавами-буф и кружевным подолом.

– Поставиши пятно – выпорю, – ласково предупредила мама, – твоим сестрам еще донашивать платье за тобой.

Она торжественно вручила мне пакет с нашим семейным альбомом и коробкой конфет для Ба. Пакет был невероятно красивый – ярко-голубой, с одиноким красавцем-ковбоем и надписью «MARLBORO». Таких пакетов у мамы было несколько, и она берегла их как зеницу ока для самых торжественных случаев. Кто застал дефицит советской поры, тот помнит, сколько сил и неимоверной смекалки нужно было затратить, чтобы достать такие полиэтиленовые пакеты.

– Не ставь локти на стол, не забудь поздороваться и говорить спасибо, веди себялично и не скачи по дому как ненормальная, – мама продолжала выкрикивать инструкции по поведению, пока я сбегала вниз по ступенькам нашего подъезда. – Платье береги!!! – Голос ее настиг меня уже у выхода и больно кольнул в спину.

– Хорошооооо!

* * *

Маня в нетерпении переминалась возле калитки своего дома. Издали заприметив меня, она побежала навстречу.

– Какая ты сегодня красивая, – выдохнула она.

– Для твоей бабушки старалась, – пробубнила я. Весь мой боевой запал мигом куда-то улетучился, у меня двоилось в глазах, не разгибались колени и предательски потели руки.

Маня заметила мое состояние.

– Да ты не волнуйся, у меня мировая Ба, – она погладила меня по плечу, – ты только во всем соглашайся с ней и не ковыряйся в носу.

– Хорошо, – каркнула я – в довершение ко всему у меня пропал голос.

Маня жила в большом двухэтажном каменном доме с несколькими лоджиями. «Зачем им столько лоджий?» – лихорадочно соображала я, пока шла по двору, но спросить об этом постеснялась. Мое внимание привлекло большое тутовое дерево, раскинувшееся в непосредственной близости от дома. Под деревом стояла длинная деревянная скамья.

– Мы здесь с папой по вечерам играем в шашки, – пояснила Манюня, – а Ба сидит рядом и подсказывает то мне, то ему. Оп стоит! – Манька закатила глаза. Мне стало еще страшнее.

Она толкнул входную дверь и шепнула:

– Ба, наверное, уже вынимает песочное печенье из духовки.

Я повела носом – пахло чем-то нестерпимо вкусным. Дом, достаточно большой снаружи, внутри оказался компактным и даже маленьким. Мы шли по длинному, узкому коридору, который упирался в холл. Слева была деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Напротив стоял большой комод из черного дерева, увенчанный двумя латунными семисвечниками, на полу лежал ковер с тонким восточным рисунком, вся стена над комодом была увешана фотографиями в рамках. Я подошла поближе, чтобы разглядеть лица на фотографиях, но Маня дернула меня за руку – потом. Она указала на дверь справа, которую я не сразу заметила.

– Нам туда!

И тут силы окончательно покинули меня. Я поняла, что не в состоянии ступить и шага.

– Не пойду, – горячо зашептала я, – возьми пакет, тут конфеты для твоей бабушки и наш семейный альбом с фотографиями.

– Ты чего? – Маня вцепилась мне в руку. – Совсем с ума сошла? Пойдем, у нас еще мороженое есть!

– Нет, – я отступила к входной двери, схватилась за ручку, – я не ем мороженое. И печенье не ем, и вообще мне уже пора домой! Меня мама заждалась!

– Нарка, ты соображаешь, что творишь? – Манька повисла на мне и попыталась отодрать от дверной ручки. – Куда ты пойдешь, что я Ба скажу?

– Не знаю, что хочешь, то и говори, – перевес сил был явно в мою пользу, еще минута – и я бы вырвалась из дома.

– Что это вы тут затеяли? – Внезапно прогремевший сзади трубный глас пригвоздила нас к полу.

– Ба, она совсем с ума сошла, хочет домой уйти, – Маня все-таки оторвала меня от дверной ручки и толкнула в коридор, – стесняется тебя, вот ненормальная!

– А ну-ка, марш обе на кухню! – скомандовал трубный глас.

Я молча поплелась за Маней, не поднимая глаз. Боковым зрением воровато выхватила большую ступню в теплом домашнем тапке да кусочек платья в мелкий цветочек.

Кухня мне сразу понравилась. Она была очень просторной, с многочисленными шкафчиками, низким абажуром и простенькими ситцевыми шторами на окнах.

– Сейчас будем знакомиться, – голос прогремел прямо за моей спиной.

Мне стало страшно, как в приемной у врача.

Но выхода не было, пришлось оборачиваться. Ба пристально смотрела на меня поверх своих больших очков. У нее оказались светлые карие глаза и седые выющиеся волосы, которые она стянула в пучок на затылке. Она была достаточно грузной, но, как потом оказалось, совершенно легкой на подъем и несла свое большое тело с невероятным достоинством. Еще у нее была родинка на щеке – кругленькая и смешная. Я вздохнула с облегчением. Это была обычная бабушка, а не огнедышащее чудище!

Маня подошла к Ба и обняла ее за талию. Прижалась щекой к ее животу.

– Скажи, Нарка – ПРЕЛЕСТЬ? – спросила.

– Вы все прелестные, только когда спите, – отрезала Ба и обратилась ко мне: – Ну что, девочка, будешь со мной здороваться или как?

– Здрасстси, – пискнула я.

– Здравствуй, коль не шутишь, – Ба фыркнула, а потом коротко рассмеялась.

Я чуть не лишилась чувств – Ба смеялась так, словно где-то у нее в животе терзают несчастное животное.

– Тебя как зовут? – спросила она.

– Ба, ну я же тебе говорила, – встрияла Маня.

– Помолчи, Мария, не с тобой разговаривают, – одернула ее Ба. Манюня надулась, но промолчала.

– Наринэ, – пискнула я, а потом, мобилизовав остатки сил, добавила: – Очень приятно с вами познакомиться!

Видимо, несчастное животное внутри практически домучивали, потому что хохот, который издала Ба, больше напоминал агонизирующий хрип.

– Долго репетировала речь? – спросила она меня сквозь свой апокалиптический смех.

– Долго! – призналась я виновато.

– А что это у тебя в руках?

– Пакет, это подарок вам!

– Ты мне в подарок пакет принесла? – прищурилась Ба. – Это до чего же дефицит людей довел, что в подарок уже пакеты несут!

– Там еще конфеты и наш семейный альбом, – я сделала нерешительный шаг и протянула пакет.

– Спасибо, – Ба заглянула в пакет, – оoooo, трюфели, это же мои любимые конфеты!

У меня словно камень с души свалился. Я счастливо вздохнула и выпятила грудь.

– Ты чего такая худощая? – Она подозрительно окинула меня взглядом с ног до головы и сделала пальцем круговое движение. – Ну-ка повертись!

Я повертелась.

– Мама мне по две пары колготок надевает, потому что ноги у меня такие тонкие! Она боится – люди скажут, что меня дома голодом морят, – пожаловалась я.

Ба расхохоталась, да так, что стало ясно – палач, сидевший в ее животе, взялся за новую жертву. Отсмеявшись, она снова принялась меня изучать. Мне очень хотелось произвести на нее хорошее впечатление. Я вспомнила, как мама учила нас держать спину правильно, – задрала плечи к ушам, отвела их сильно назад и опустила – теперь моя осанка была идеальной.

Видимо, Ба оценила мои старания. Она еще с минуту глядела на меня, потом хмыкнула:
– Грудь моряка, жопа индюка!

Я решила, что это комплимент, поэтому вздохнула с облегчением и смело подняла глаза.

Тем временем Ба достала из шкафчика большой розовый фартук и протянула его мне.

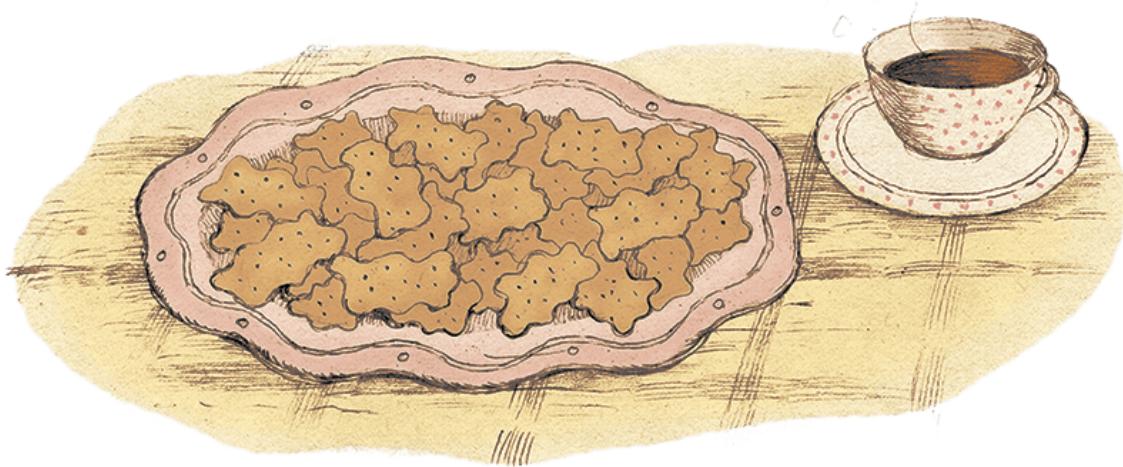
– Это мой фартук, надень его, ничего страшного, что он тебе велик. Заляпаешь свое красивое платье – мама потом по головке не погладит, верно?

Я виновато кивнула и напялила фартук. Манюня помогла мне завязать его сзади. Я прошлась по кухне – фартук болтался на мне, словно флаг на мачте корабля при сильном ветре.

– Сойдет, – благосклонно кивнула Ба.

Потом она усадила нас за стол, и я впервые в жизни попробовала ее выпечку.

Вы знаете, какое восхитительное печенье пекла Ба? Я больше никогда и нигде в жизни не ела такого печенья. Оно было хрупкое и тоненькое, почти прозрачное. Берешь аккуратно двумя пальцами невесомый песочный лепесток и испуганно задерживаешь дыхание – иначе ненароком выдохнешь, и он разлетится в пыль. Нужно было отломить кусочек и подержать его во рту – печенье моментально таяло, и язык обволакивало щекочущее тепло. И только потом, по маленькому осторожному глоточку, можно было это сладкое счастье отправлять себе прямиком в душу.

Ба сидела напротив, листала альбом и спрашивала меня: а кто это, а это кто?

Потом, узнав, что мамина родня живет в Кировабаде, всплеснула руками: «Так она моя землячка, я ведь родом из Баку!»

Потребовала наш домашний телефон, позвонить маме.

– Как ее по отчеству? – спросила.

Я от волнения забыла значение слова «отчество». Глаза заметались по лицу, я густо покраснела.

– Не знаю, – пискнула.

– Ты не знаешь, как твоего деда зовут? – глянула поверх очков на меня Ба.

– Аaaaaaaaa! – Я моментально вспомнила, что означает злополучное слово. – Андреевна она, Надежда Андреевна.

– Чудо в перьях! – хмыкнула Ба и стала важно крутить диск телефона.

Сначала они с мамой общались на русском. Потом Ба, покосившись на нас, перешла на французский. Мы с Маней вытянули шеи и выпустили глаза, но ни одного слова не поняли. По ходу разговора у Ба постепенно расцветало лицо, сначала она улыбалась, потом разразилась своим катастрофическим смехом – мама, наверное, на том конце провода выронила от неожиданности трубку.

– Ну, до свиданья, Надя, – закончила Ба разговор, – в гости приедем, конечно, и вы приходите к нам, я испеку свой фирменный яблочный пирог.

Она положила трубку и посмотрела на меня долгим, чуть рассеянным взглядом.

– А ты, оказывается, хорошая девочка, Наринэ, – сказала.

Мне до сих пор удивительно, как я в тот момент умудрилась не лопнуть от распиравшей меня гордости!!!

Потом мы по второму кругу ели печенье. Потом мы ели мороженое. Потом мы пили кофе с молоком и чувствовали себя взрослыми, потом Ба пригладила рукой выбившуюся у меня прядь волос. «Горе луковое», – сказала, и ладонь у нее была большая и теплая, а Маня поцеловала меня в щечку, и губы у нее были липкие, а кончик носа совсем холодный.

Манюня, или Тумбаны бабы Розы

– У меня, кажется, завелись вошки, – задумчиво протянула Манюня. Мы сидели у нее в комнате, и я, перегнувшись через подлокотник кресла, доставала с полки шашки.

– Откуда ты это взяла? – На всякий случай я отодвинулась от Мани на безопасное расстояние.

– Я чувствую ШЕВЕЛЕНИЕ у себя в волосах, – Манюня многозначительно подняла вверх указательный палец, – какое-то ТАИНСТВЕННОЕ ШЕВЕЛЕНИЕ, понимаешь?

У меня тоже сразу таинственно зашевелилось в волосах. Я потянулась к голове и тут же отдернула руку.

– Что же нам делать? – Манюня была обескуражена. – Если кто узнает об этом, то мы опозоримся на весь город!

– А давай наберем полную ванну воды, нырнем туда с головой и будем сидеть на дне тихо, пока вошки не задохнутся! – предложила я.

– Сколько понадобится времени, чтобы они задохнулись? – спросила Маня.

– Ну, не знаю, где-то час, наверное.

У Маньки засияли глаза, видно было, что идея ей пришла по душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.